

— Процессы, характерные для современной советской песни? Не принято меня за любителя оригинальничать, но мне хочется высказать, как говорится, «особое мнение»: подчас приходится слышать сегодня об упадке песенного жанра. По моему убеждению, неверно это. Современная песня умнее, интеллектуальнее, мудрее, чем в тридцатые годы. Уж мне ли признаваться бы в этом, но что поделаешь — справедливость требует! Понимаете, сегодня песня куда сложнее по своему языку, по форме, по образному строю. А разговоры о том, что она утратила овы традиции массовости, безусловно, имеют основание: ее знают, любят, но не умеют исполнять. Вот откуда тревога!

— Так, может быть, именно усложнением языка, формы, склада песни и объясняется тем, что молодежь у нас непоющая, вернее, мало поющая, и в основном в любимом репертуаре ее — не профессиональная музыка, а туристская, «поездная», «магнитофонная» литература? Она как раз очень проста.

— Вы знаете, я сам над этим очень много размышлял. С моей точки зрения, великолепно, что «композиторская» песня не отстает от «большой» музыки — возьмите творчество Петрова, Таривердиева, Пахмутовой, да и многих других. Песни их действительно сложные, иногда просто изысканные. Их надо запомнить и суметь передать все тонкости музыкальной речи. А с певческой культурой мало у нас не ахти как хорошо. Мы мало еще заботимся о том, чтобы поднимать, развивать эту культуру.

Обычно подхватывают то, что легко, что само по себе «вязнет» в ушах. Я, конечно, не имею в виду «Подмосковные вечера» — это шедевр, отсюда и его всеприемлемость. Но ведь шедевры каждый день не рождаются, и не на один шедевр должно ориентироваться. У нас много просто хороших песен, очень хороших, талантливых. Однако за редким исключением они все же слишком сложны для быстрого запоминания. Сложные ритмы, необычные тональные сопоставления, мелодии в достаточной мере «путанные». Трудно неподготовленному, нетренированному человеку очень трудно все это схватить и повторить. Поэтому я и говорю: действительно из нашего быта ушли традиции массового пения. А ведь когда-то, помню, театры и мы, так сказать, практики выдвигали именно эту черту — массовость лирической или, может быть, точнее, бытовой песни, — как одну из специфических и важнейших особенностей нового, рожденного в советское время жанра массовой песни. Народ подхватывал мелодии. С экрана, с эстрады они быстро проникали в быт, закреплялись там, приобретали огромную популярность.

Но вот давайте сейчас глазами современника взглянем на творчество первых лет существования советской песни, взглянем и трезво оценим. Опять же, подчеркиваю, я сам был одним из яростных пропагандистов ее. 30-е годы — начало истории жанра. Да, тогда это было открытие, откровение — называйте как угодно. Однако жизнь-то не стоит на месте! Сегодня мы подходим к явлениям с другими мерками и с другими критериями. Я отношусь к друзьям значения тех лет и вклада, который внесли в жанр создатели его — Дунаевский, Блантер, братья Покрасс и другие. И все же, как и в любой другой области культуры, искусства, науки, жизнь все время настойчиво движется вперед, двигает творческую мысль на новые высоты. То, что когда-то казалось открытием, сегодня уже никого не удивляет. Величайшее изобретение Попова — беспроволочная передача сигнала из расстояния — потрясло весь мир в 94—95-х годах прошлого века. А сейчас школьники пятых-шестых классов совершенно самостоятельно конструируют приемники и передатчики и великолепно ловят радиосигналы на разных волнах. Что ни говорите, а песни тридцатых годов — тогда настоящие «открытия» — по сегодняшним нашим представлениям и требованиям, были не столь уж богаты своими выразительными средствами. Они подкупают непосредственностью, чистотой, доступностью, а в основном (за редким исключением) это были маршеобразные песни-бодячки. Сегодня ведь так нельзя уже писать. Хочется сказать, что период Великой Отечественной войны породил большое количество прекрасных песен. Тема защиты Родины вдохновляла композиторов и поэтов. И, мне кажется, что с этого и начался расцвет советской песни.

— Значит, насколько я вас понял, вы видите корни «зла» в усложненности современной песни? «Зла» в смысле ее непроницаемости в быт молодежи. И, наоборот, вы объясняете популярность песен тридцатых годов их простотой, доступностью?

— Да нет, все гораздо серьезнее и сложнее. Прежде всего давайте внесем ясность — популярность не равнозначна художественным достоинствам. Впрочем, не только в песне: в любом из массовых жанров это можно наблюдать. Именно массовых. Как часто подхватывается то, что совсем того не заслуживает, а хорошее остается незамеченным. Иногда этот «казус» (я не знаю, как это назвать иначе) почти невозможно объяснить: какую-нибудь самую примитивную мелодию начинают повторять на каждом шагу. Чаще всего такое происходит с песнями «экранными». В фильме автор ее выбирает для характеристики отрицательного героя и делает нарочито примитивной или нарочито грубой, а зрители именно ее подхватывают. Обратная реакция, и, безусловно, нежелательная. В данном случае первооснова — простота мотива и еще популярность актера, ее исполняющего, популярность и талантливость. Парадокс, не правда ли? Вред талантливости и признанности артиста!

— Вы говорите лишь об одной стороне явления. Но ведь это, пожалуй, частность — популярность какого-нибудь киноактера или эстрадного певца, интерес к каждому слову, им произносимому. Безусловно, многие выражения из репертуара Аркадия Райкина, буквально ставшие афоризмами, подхвачены именно потому, что их произносит Райкин. Произносит талантливо, запоминаемо. Забыть невозможно. Но ведь здесь еще имеет огромное значение сам текст — его «типичность» для определенного круга людей.

«Ремесленники», создающие легко запоминаемые песенки очень ловко подделываются под «интересы» и «вкусы» масс, подхватывают бытующие интонации и на этом строят

свой опус. Здесь, по-моему, «секрет» успеха.

— Вот именно подделки и присосабливание. Я решительно против того, чтобы приравниваться в творчестве к примитивному слушательскому восприятию.

— То есть вы имеете в виду развитый и неразвитый музыкальный вкус?

— Нет, я имею в виду именно то, что сказал: есть талантливые слушатели, есть способные, есть абсолютно пассивные.

— Так что же, по-вашему, умение слушать музыку — это тоже дар природы? Нет, уж тут разрешите с вами поспорить. Эдак можно дойти до того, что отрицать необходимость воспитания музыкальных вкусов широких масс, необходимость учить слушать и воспринимать музыку. Тогда, выходит, рождаются любители музыки прямо с колибели — любители музыки, изобразительного искусства, театра, поэзии. А, по-моему, все привязанности и пристрастия зависят от влияния среды, от окружения, от каких-то жизненных обстоятельств, в которые попадает человек в период формирования его характера, его мировоззрения. Кстати, взгляды и вкусы под влиянием среды коренным образом меняются.

— А вот вам очень яркий пример моей правоты: мы с братом воспитывались в абсолютно равных условиях, в одной среде. Я с самого раннего детства неистовствовал под воздействием музыкальных впечатлений, а он был к ним достаточно равнодушен. Меня музыка могла привести в восторг, в негодование, в иступление, а он на нее реагировал спокойно, хотя и не без охоты слушал.

ЛЕОНИДА ОСИПОВИЧА УТЕСОВА не надо представлять читателям. И, наверное, коль скоро названо его имя, нетрудно догадаться о предмете беседы с ним: интересно, что думает он, ветеран советской эстрады, о тенденциях в этой области искусства нынче, о джазе, о песнях сегодняшнего дня. Какими представляются ему они на нынешнем этапе? Как он смотрит на многочисленных современников-композиторов-поэтов, выросших в массах («барды» и «менестрели» по-ученому, а попросту — любители)? Как он, борец за жанр, относится к этой разновидности жанра, весьма прочно утвердившейся за последний год в среде молодых?

рядом с интересным собеседником

О ПЕСНЕ, О ДЖАЗЕ, О ВКУСАХ И ПРИСТРАСТИЯХ

— Значит, у вас были в детстве исключительные музыкальные способности, а у брата самые средние или даже ниже средних. А какой слушатель развился бы из него впоследствии, если бы он попал в соответствующую среду, совершенно неизвестно... Нет уж, давайте не расхолаживать тех, кто еще не научился слушать музыку, но тянется к ней. Давайте не будем им внушать, что без особого дара природы у них ничего не получится. Да и не будем говорить «под руку» тем, кто занимается организацией концертного дела в стране. И так и нам много пожеланий. Вдруг они решат положиться на «природу»?

— Кстати, к вопросу о пропаганде музыки. Еще одно замечание, которое, очевидно, покажется спорным, а может быть, и просто парадоксальным: не нужно слишком увлекаться масштабами, количеством радиопередач, концертов и так далее. По моему твердому убеждению, постоянно звучащая вокруг нас музыка приносит не пользу, а вред. Выработывается привычка слушать музыку «между делом», а не отдавать этому специальное время, сосредоточиваться на произведении, звучащем с пластинки, в эфире, с экрана телевизора. Представьте себе, что вы читаете какой-то новый роман и одновременно занимаетесь домашними делами — готовите парог или штопаете чулки. Совершенно немислимо! А с музыкальными произведениями постоянно происходит подобное. Люди слушают их за приятной беседой со знакомыми, за чашкой чая, в парикмахерской, чуть ли не в бане. Ну, какой здесь может быть толк! Напротив, вырабатывается вредная привычка воспринимать музыку как некий шумовой фон. Мне кажется, стоит подумать, что здесь можно предпринять.

Наверное, надо было бы очень четко разграничивать музыкальную литературу по ее функциональным признакам. Право же, мы слишком пассивно относимся к огромным возможностям музыкального искусства, часто пользуемся им лишь как средством развлечения. А ведь многие люди, безусловно, из тех, кого я называю «талантливыми слушателями», находят даже в самой простой песне, в песне, которую другой просто мурлыкает себе под нос, огромные жизненные силы. Вы знаете, у меня есть одно письмо от человека, в свое время незаслуженно осужденного. И вот он рассказывает, как в песне, услышанной им впервые в моем исполнении, по его выражению, «в моей песне», он находил силы, чтобы в пасть духом, чтобы сохранять в сердце веру в справедливость и надежды на лучшие дни. Сейчас все это страшное у него позади, и он благодарит меня за то, что я вложил в его душу частичку светлого, жизнеутверждающего. Признаюсь, такое письмо учит нас, артистов, очень многому. Я сразу стал припоминать, что действительно шло на очищение душ моих слушателей, а что было отбано заранее запланированному «успеху», так сказать, на потребу «легким» аплодисментам. Что и говорить, нет, нет, да и поддаемся мы соблазнам!

— «Трагический случай» произошел с моей первой программой именно с точки зрения взаимоотношения со слушателем. Я приложил все старания, чтобы с первого же выступления завоевать симпатии аудитории, быть понятым и принятым. Воспользовались разными средствами, и в том числе первыми применили экран и микрофон. Впе-

чатление это произвело огромное. Однако именно в первой программе произошел тот самый «казусный» случай, когда в народ пошла отнюдь не отличающаяся высокими художественными достоинствами литература: я включил в программу «Одесский кичман», включил с целью высмеять блатной фольклор, поэтому со всем старанием я коверкал словечки, стремясь в доподлинности передать жаргонную речь и добиться тем самым наивысшего комического эффекта. А эффект получился иной, для меня неожиданный: песню мгновенно подхватила молодежь, ее стали распевать во всех дворах и подворотнях, в поездах, на улицах. Таким образом, я стал пропагандистом блатной «романтики». Вот он, тот самый случай, когда успех, популярность репертуара приносят не радость, а боль.

— А как вы расцениваете популярность современных бардов? Можете ли вы объяснить причину их появления и быстроту распространения? Как относитесь к этому явлению?

— Что касается популярности, по-моему, это ответ на спрос молодежи: у нее явная потребность в произведениях, раскрывающих душу, передающих личные переживания. Есть потребность в романтике. Кстати, по-моему, авторы, выступившие в вашей газете, не очень-то хорошо разобрались в существе явления, не осведомлены в вопросах песенного творчества, не знают того, что есть сегодня в нашей музыкальной литературе данного жанра. Право, даже смешно искать причины их появления в том, что якобы отсутствует лирическая песня в творчестве композиторов-профессионалов: они все время находятся под огнем

тер произведения, расцветив его новыми красками. Но песни «бардов» от «обработок» и «профессиональной» трактовки теряют, на мой взгляд, свое единственно ценное качество — авторскую индивидуальность, а следовательно, теряют все.

Уж коли разговор зашел об эстрадном репертуаре и об исполнителях, хотелось бы сказать еще одно: меня крайне тревожат быстро движущиеся карьеры. Разрешите мне, как человеку немало прожившему, вспомнить «старое, доброе время». Тогда надо было все время думать о творческом росте, о том, чтобы совершенствоваться, дабы занять место «под солнцем», о том, чтобы по возможности расширить круг слушателей. Раньше если бы какой-то артист смог прожить даже 200 лет и выступал двести дней в году, его слушателями стали бы всего-навсего четыре миллиона. А сегодня выступает молодой человек по телевидению один-единственный раз (по первой программе), и назавтра его имя знают уже 200 миллионов; буквально за пять-десять минут он становится знаменитым на весь Советский Союз. Казалось бы, подобно обстоятельству должно усиливать чувство ответственности, а почему-то получается наоборот.

И потом меня просто удивляет, с какой легкостью певцы, чтецы, представители иных эстрадных жанров получают солидные концерты. Когда это было видно, чтобы конференсье имел право на солидный вечер. Даже такому талантливейшему актеру, как Владимир Хенкин, никогда и не мечталось о том, что он сможет выступить с самостоятельной программой, хотя репертуар у него был весьма и весьма обширен и раз-

критики за то, что личные переживания в их сочинениях подчас вытесняют гражданственные мотивы. А авторы статьи в вашей газете каким-то образом именно этого и не заметили. И еще: от кого они пытаются защитить песни бардов, этого я так и не понял. Можно ли вообще как-то остановить поток этих песен, действительно получивших очень большое распространение. Есть определенное явление. Очевидно, небезынтересно найти его корни, проследить пути развития, но разве только в нем «мысли и душа молодых»?

Я помню, как вскоре после окончания войны, как, впрочем, и в последние довоенные годы, была «мода» на блатные, жаргонные песни. Их пели даже в самых культурных, интеллигентных кругах. Были большие специалисты в этой области. Стоило ли тогда заниматься теоретическими изысканиями? По-моему, нет. Мода прошла, и на том все кончилось. Сейчас — новая мода. Право же, барды нашего времени — это тоже, помимо всего прочего, мода. Но уж коли речь зашла о них, надо говорить не вообще о всех скопом, а о наиболее интересных, талантливых. Это ведь отнюдь не однородное явление — есть там действительно интересное, талантливое, а есть просто «сорняк», идейный «сорняк», от которого, как принято во всяком хорошем хозяйстве, надо безотлагательно очищать добрые посевы и всходы.

Должен сказать абсолютно честно: меня барды раздражают. Возраст такой — может, отстал немножко, старомоден, но, ей-же-ей, от музыки все это очень далеко. Уж в музыке здесь полнейший примитив. Поэзия вперед, а музыка далеко позади. Наверное, поэтому и не воспринимаю я их.

— Интересно ваше отношение к тому, что произведения «бардов» и «менестрелей» включают в свой репертуар профессиональные певцы? На мой взгляд, это абсолютно неприемлемо. Даже самые хорошие песни огрубляются, становятся ординарными, теряют свою первоначальную искренность, простоту, непосредственность — то, что в общем-то составляет их достоинства. Эстрадный певец старательно придает им характерные «эстрадные» черты. Примитивный гитарный аккомпанемент разукрашивается голосами разных инструментов, усиливается электроаппаратурой, и получается просто примитив. Может быть, я не права, но мне кажется, творчество «бардов» — это не песни, а манера, авторская манера произнесения стихов. Уберите в них мелодию — стихотворный текст (более талантливый, менее талантливый) может жить самостоятельно, а попробуйте спеть их мелодии без текста — полнейшая ерунда. Во всяком случае я воспринимаю это именно так. Интересно, как вы, знаток и мастер эстрады, относитесь к данной проблеме? Редакция получает много писем, в которых авторы интересуются этим вопросом и высказывают свое мнение — очень разноречивые точки зрения, иногда полные. Не сомневаюсь, им интересно было бы послушать вас.

— С точки зрения обновления эстрадного репертуара я всячески поддерживаю творческий поиск. Но в данном случае, мне кажется, вы совершенно правы. Когда специально для эстрады или для эстрадного оркестра переключается какая-то популярная народная или популярная композиторская песня, аранжировщик и исполнитель стремятся к единственному — сохранить харак-

нообразен. А сейчас это принято. Уж не слишком ли легко сегодня достаются слава и популярность? Или, может, я опять же из-за возрастных особенностей чего-то недопонимаю!

— Всю свою жизнь я потратил на то, чтобы противопоставить советскую музыку американскому влиянию. Я ратовал за наш советский джаз, за нашу советскую музыку. То, что происходит сейчас, меня, естественно, не может оставить равнодушным. Сегодняшние специалисты джазовой музыки, я имею в виду тех, кто занимается у нас джазом, как они утверждают, настоящим джазом (а у меня якобы был просто эстрадный оркестр, был и есть), отдают дань только авангардистским течениям. А ведь авангардизм в джазе сродни авангардизму в живописи. И те, и другие хотя и шли в авангарде человечества, а по существу, плетутся в хвосте. Так вот, мнение нынешних «идеологов» жанра — джаз не может существовать без импровизации. Я уже говорил и хочу еще раз повторить, что импровизация — отнюдь не явление сегодняшнего дня. Импровизацию в Нью-Орлеане породила неграмотность негров-джазистов. Все они были «слухачами», не знали нот, поэтому импровизировали.

— Леонид Осипович! А я очень хорошо помню, как в одной из передач «Доброго утра» вы очень остроумно доказывали, что джаз вообще родился в Одессе.

— Одесская шутка! А всерьез — я отнюдь не против импровизации: она всегда свидетельствует о музыкальной одаренности исполнителей. Только известно это искусство еще задолго до появления джаза: те же вариации на определенную тему, разве не импровизация? Самое главное — всякая импровизация должна иметь смысл.

Не так давно мне довелось быть на Облестакте джазового фестиваля. Оказалось, что джазовые коллективы сейчас есть в самых неожиданных пунктах. К примеру, какой-то зверосовхоз показывал трио. Надо сказать, что один из участников этого ансамбля — альтсаксофонист — играл технически не хуже американского джазмена. Только это не имело ничего общего с нашей культурой: атональная музыка, все на ритмических «фокусах». И подобных коллективов сейчас огромное множество. Я уверен, такого рода «джазисты» никогда музыкантами не станут: мода пройдет, а настоящее искусство обойдет их стороной. И ведь обидно! Люди способные, искренне увлеченные, только энергия их направлена, по моему глубокому убеждению, не на то, на что стоило бы.

Единственное утешение — подобное явления проходящие. Музыка настоящая — волюющая, восторгающая, доставляющая эстетическое наслаждение. — будет существовать, всегда будет. Такие периоды бывали в искусстве и раньше — формальные поиски, увлечение техникой, технологией. Периоды эти кончались, произведения подобного плана умирали, а настоящее искусство оставалось.

Вот видите, какой парадокс: я — борец за джаз, пропагандист джаза, сегодня выступаю в качестве «губителя» джаза. Только я не против жанра, а против одного из его направлений или течений, против выхолащивания музыки из музыкальных произведений, против фокусов в искусстве, за настоящее искусство!

Беседу велла М. ИГНАТЬЕВА.